

Вера Платонова

**ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА
ДИВЕЛЛОНА**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
ПЗ7

ПЗ7 **Платонова В.**
Последняя роза Дивеллона / Вера Платонова – М.: Литнет, 2026. – 234 с.

ISBN 978-5-521-99492-2

Вынужденный брак ради спасения своей страны – горькая судьба для принцессы. Но Иммериль верна своему долгу и становится невестой короля-узурпатора, о котором ходят дурные слухи. Пятеро суровых воинов везут её сквозь снега в крепость, где стены хранят мрачные тайны, а по ночам воют призраки. Там её ждёт жених, чьи поцелуи пахнут сталью и кровью, а сама Смерть ближе, чем кажется. Монстры из тьмы, предательства и смертельные враги, магия древних ведов – так начинается эта сказка

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99492-2

© Литнет, 2026
© В. Платонова, 2026

Глава первая. Не жди многого

– Не жди многого, и тогда будет легче, – говорила старая бабка Вереск, подслеповато приглядываясь к моей коже и вырывая щипцами очередной волос. – Тиульбы – жестокие и закалённые воины, они не добиваются любви, а приходят и берут, что им надо. А уж повелитель у народа всегда таков, что преумножает эти качества многократно.

– Уй! – пискнула я, когда она уже в сотый раз больно прищипнула кожу.

– Что ж поделать, – вместо извинений говорила она, – если уж самой старой положено собирать молодую невесту. А глаза мои давно потеряли зоркость. Тебя мы берегли, Цветочек, от дурных мыслей, от случайных взглядов, от опасных свиданий, от лишних разговоров, что могли породить никчёмные домыслы... Ни одна из дев Дивеллона так зорко не охранялась, как ты. И если вожаку тиульбов нужна первозданная чистота, какая только может быть на этом свете, он её получит. Дивеллон никогда не обманывает тех, кто готов защитить его от беды. Так повелось издревле, что сила наша не в воинах, а в чистоте. И сейчас тиульбы готовы за тебя отдавать свои жизни, сохраняя их нашим сынам и дочерям.

В комнате было прохладно, а мне приходилось лежать на постели у окна совсем обнажённой, чтобы Вереск не пропустила ни одного волоса.

– Но что будет потом, когда они заберут меня из дома и я останусь на этой суровой земле совсем одна?

– Никто не может этого знать, моя девочка. – Вереск отвернулась, будто ей захотелось кашлянуть, но я-то знала, что она пытается скрыть предательскую слезинку. Ей было меня жаль.

И от этого вокруг сердца сжимался тяжёлый железный обруч.

– Что из себя представляет этот Айволин Дегориан, мне неизвестно, кроме того, что он обещал нам за принцессу Дивеллона свою защиту... Каков он: добр или зол, весел или угрюм, – того не ведаю. Знаю лишь, что у тиульбов женщина, выходя замуж, попадает полностью во владение супруга. И как только опустит муж полог семейного ложа, отныне она должна во всём ему угождать и повиноваться. Даже если будет он жесток, она не смеет никому жаловаться на свою горькую долю. Её же, бедную, осудят первой.

Я тут уже и вовсе всхлипнула, даже не пытаюсь сдержать слёз.

– Ну полно, полно тебе, не для того я тебе этого говорила, чтобы ты слёзы заранее лила. – Старуха погладила меня жёсткой рукой. – Хотя лучше поплачь здесь и сейчас. Но как только выйдешь из этой комнаты – больше ни одной слезинки. Никогда. С того момента будешь ты уже не наш Цветочек, Иммериль. Не ты за нами будешь, а мы укроемся за тобой, вся наша долина и люди, её населяющие, когда ненавистные аторхи придут за нашими землями, нашими домами, нашей кровью, – мы все посмотрим на тебя с надеждой.

Аторхи! Одно только слово это внушало ужас в сердца привыкших к миру жителей Дивеллона. Откуда они взялись? Словно однажды выбрались из-под земли и покатались по миру, захватывая всё новые и новые территории. Они не выдвигали требований и не договаривались ни с кем. Словно порождения чьего-то злого умысла, они появились из ниоткуда и не преследовали иной цели, кроме как захватывать и уничтожать. Тёмные лицом и волосами, с дикими глазами и острыми зубами, в битвах они не жалели ни своих, ни чужих. Когда-то они казались далёкой угрозой, отголо-

ски которой доносились до нас с того конца мира. Теперь же они шли по материку, и небольшие отряды были замечены не так далеко от нашей долины.

– Вереск, почему мы не можем закрыть большие ворота и спастись здесь, в долине Сиреневых Роз, заготовить еду, всё необходимое и переждать самое страшное время? Тиульбы, демарфены, иттеросы – все воинственные народы уже объединяются, чтобы дать бой аторхам; так говорили вчера переходящие странники, что пережидали снежную бурю в малом зале. Пока они будут сражаться, мы сможем молиться за них тем богам, которым они служат. Мы будем внушать их воинам храбрость и отвагу, готовить заговорённое вино, заготавливать священные травы и исцелять их раны...

– Потому что не всё так просто, – прервала мои размышления Вереск. – Ты просто ещё дитё малое, хоть и вошла в возраст невесты.

В дверь забарабанили.

– Тиульбы едут! За принцессой!

Обруч на сердце сжался с невыносимой силой. Мне захотелось соскочить с постели, одеться и бежать что есть мочи куда глаза глядят. Кровь прилила к лицу, и Вереск, чувствуя это, сжала крепкую мою руку и строго произнесла:

– Держись, Цветочек. От тебя сейчас зависит слишком многое. Глупо думать, что правители живут как им вздумается, в угоду своим капризам и пожеланиям. Одним своим рождением вы уже должны. Должны людям, которые ждут от вас защиты. И ты должна. У тебя было много времени жить беззаботно, у многих и того нет. А теперь пришло время отдать долг.

– Я не могу. – Я вдруг затряслась мелкой дрожью, как осинový листочек, когда поняла, что вот-вот меня вырвут из родного дома и увезут в страну, о которой я толком ничего и не знаю.

– Можешь! – грозно прикрикнула на меня Вереск. – И будешь. Будешь тёплым воском и сладким мёдом для Айволина, пока есть угроза для Дивеллона. Будешь улыбаться и мыть ему ноги.

– Я принцесса Долины! Я не буду никому мыть ноги!

– Тогда ты обречёшь нас всех на мучительную смерть. Ложись, я ещё не закончила!

– А-а-а-а! – Я топнула ногой, но, повиновавшись, улеглась назад, пока дневной свет позволял моей троюродной бабке разглядеть хоть что-то, иначе она истыкает меня щипцами наугад.

Глава вторая. Достаточные доказательства

– Вереск, Цветочек. – Малышка Мидара стучала кулачками в дверь. – Впустите!

– Чего тебе? – Старуха, которая прикалывала к моей голове тонкую золотую сеточку, закрывающую лицо, распахнула дверь.

– Там все вас ждут уже так сильно, что не могут. Владыка Иммерии он устал глядеть то и дело на двери.

– Ай, сломалась булавка! – недовольно проворчала Вереск. – Мидарка, сбегай в мою комнату, принеси, только такие нужны. К этой вуали другие не идут. А хотя... Ты не найдёшь, я сама. Подождут, никуда не денутся. Не простолюдинку собираем всё-таки, а принцессу Священных Земель.

Она тяжело зашагала из комнаты, иногда издавая тяжёлые вздохи и причитания.

Мидара, шустренькая и пресмышлёная девчушка, которой было ещё лет пять до того, чтобы заневеститься, вдруг шлёпнулась передо мной на колени и обняла за ногу:

– Цветочек, миленькая, не ходи туда, уж лучше помереть! Вот, вот, на... Я принесла тебе. – Она вынула из кармана маленький золотой кинжальчик в крошечных ножнах, пригодный разве что для очистки яблок от кожуры. – Вот, не смотри, что он маленький, он очень острый. Не надо тебе замуж... Не надо туда!

– Да что такое-то? Отлепись уже от моей ноги, малышка! Я ж не могу не выйти! – попыталась я её успокоить, принимая в руки ножны.

– А то! Я недавно узнала от Шиялки, что помогает на кухне посуду мыть... про замуж! У них младшая кухарка на днях вступила в брак с селянином, и Шиялка им вина понесла в опочивальню, да замешкалась по дороге: там котёнок мяукал, она его побежала изловить... А когда донесла кувшин...

– Да что ж ты узнала?! – воскликнула я в нетерпении, думая, что хуже моего положения уже не сыщешь.

– А то, – торопливо зашептала Мидара, с ужасом заглядывая огромными карими глазищами в мои глаза, – что на брачном ложе происходят ужасные вещи. Как только мужчина ложится с женщиной на постель, между ног у него вырастает палка... Вот такая! – Она развела руки в стороны. – И он начинает этой палкой жену свою колотить так страшно, что та плачет и кричит! Я не хочу, чтоб тебя били палкой, ты такая хорошая. Ты со мной и в башенки играла, и песенки сочиняла, венки научила плести по-хитрому.

– Может, это не у всех так, может, селянин тот кухаркин хворый какой? – испуганно переспросила я.

– У всех! – зарыдала Мидарка, размазывая слёзы по щекам. – У всех! Шиялка спрашивала у своих, те посмеялись над ней, но рассказали!

Тут уже я не выдержала и тоже заревела.

– Это что здесь деется? А ну, иди отсюда, – заругалась вернувшаяся с золотыми булавками Вереск. – Скажи, что скоро выйдет невеста!

Застав нас с Мидаркой ревущими навзрыд в объятиях друг друга, она совершенно вышла из себя.

– Несправедливо это! – выкрикнула девчушка старухе, поднимаясь на ноги и утирая мокрый нос рукой. – Почему она должна за всех страдать? Нечестно!

– А ну, кыш! – прикрикнула на неё моя прабабка и заворчала: – Всё сбили, волосы порастрепали... Это что ж произошло тут?

– Ничего, – ответила я, глядя безжизненным взглядом в стену и сжимая в руках украшенный янтарными бусинами кошелёчек, в который припрятала Мидаркин подарок.

– Про слёзы помни!

– Угу.

В большом зале на высоком серебряном троне, украшенном искусными цветами из драгоценных металлов и камней, восседал

правитель Священных Земель, владыка долины Сиреневых роз, род которого шёл аж от светлых ведов, что владели тайными знаниями. Долина же и была последним оплотом в мире, где бережно сохраняли крупницы древних знаний. Был владыка Иммерион мрачен, как никогда, ведь за всю долгую жизнь было дано ему всего три дочери и ни одного сына. И двум старшим дочерям судьбой было начертано рано покинуть этот мир и отправиться в царство спящих цветов. Две глубокие борозды печали и горя пересекали его лоб, и сейчас уже почти наметилась третья. Младшую, самую позднюю дочь, Иммериль, он так рьяно берёт от внешнего мира, что и вовсе не думал, что когда-то отдаст её в руки чужого мужчины.

Пятеро тиульбов стояли напротив трона, все как на подбор высокие и широкоплечие, с лицами, заросшими жёсткой щетиной за время пути в Долину роз, – и то, что видел он, ему не нравилось.

– И кто же из вас Айволин Дегориан? – нахмурившись, спросил он, понимая, что ни один из прибывших чужеземцев не имеет знаков власти на своей одежде.

Темноволосый тиульб с Т-образным шрамом на левой щеке сделал шаг вперёд и взял слово:

– Король тиульбов Айволин Первый сейчас возглавляет отряды, что бьются с аторхами у подножия Лысой горы на границе Демарфы и Солоса...

– Как зовут тебя? – прервал его король.

– Килиан Борх, ваше величество. Я правая рука короля, и только мне он доверил сопроводить вашу дочь в Излаумор. И это лично отобранные мной закалённые и опытные воины, которые обеспечат принцессе безопасность в пути. – Он указал на других четверых воинов.

Иммерион поднялся на ноги и, поддавшись порыву гнева, воскликнул:

– Я отдаю Дегориану, простолюдину, силой и хитростью заполучившему трон тиульбов в свои руки, самое ценное, что осталось

у меня и моего народа, последнюю розу Дивеллона, а он не утруждает себя лично явиться за ней? Какое оскорбление! В Иммериль течёт кровь ведов и многих поколений королей Долины! И ваш безродный властитель должен ценить оказанную ему честь!

Борх при этом не выказал ни малейшего замешательства или попытки оправдать своего правителя, более того, он проявил ещё большую наглость, произнеся:

– Мы можем оставить вашу дочь вам, владыка Иммерион, и сейчас же покинуть Долину Роз. Мы можем перед этим даже принести свои извинения. Но когда у ваших ворот встанет орда аторхов, ни один тиульб не придёт вам на помощь. Надеюсь, вы тоже это понимаете.

При этих словах он легко коснулся широкой ладонью рукояти меча, что висел у него на поясе.

– ... Дегориану, простолюдину... – донеслись до меня, стоявшей за дверями зала, слова отца.

Меня отдают простолюдину! Обычному человеку! Принцессу Дивеллона – простолюдину!

Кровь прилила к лицу. Вереск дёрнула меня за руку и открыла двери, буквально втолкнув меня внутрь.

– Преклоните колени и опустите глаза, тиульбы, – не меняя своего ворчливого тона, но гораздо громче обычного сказала она. – Идёт та, на кого вы не достойны бросить даже одного взгляда.

В серебряном длинном платье, окутанная золотой сеткой с головы до ног, я ступила в комнату, сохраняя величие поступи и прямую спину.

Пятеро мужчин не пали ниц, но склонили головы в знак уважения невесте своего короля.

Отец приблизился ко мне и крепко обнял, сказав на ухо лишь: «Прости меня, дочь».

– У тебя не было выбора, я знаю, – ответила я тихо, до конца не веря своим же словам. Неужели правда другого пути не нашлось?